

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vsrfl.ru>

7. Сичкаренко А. Ю. Публичность как признак преступного нарушения права на свободу совести и вероисповеданий // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2019. – № 4 (46). – С. 21–25.

8. Следственный комитет обвиняет ведьму Алену Полынь в экстремизме и оскорблении религиозных чувств // LIFE. [Электронный ресурс]. – URL: <https://life-ru.turbopages.org/life.ru/s/p/1663970>

9. Суд вынес приговор по делу о ролике с сожжением «Нового завета» // РАПСИ. [Электронный ресурс]. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240905/310221668.html?ysclid=m0qiplti2k713374436

10. Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д. Трансформация преступности в XXI веке: особенности предупреждения и противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 12, № 2 (44). – С. 227–235.

А. В. Воронин,

магистр права, адвокат,

Тверская областная коллегия адвокатов

«Линия защиты»

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРАВОЗАЩИТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ПОСМЕРТНОЕ ТВОРЧЕСКОЕ БЫТИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Цифровизация детерминирует формирование новых форм и практик человеческой коммуникации и влечет изменение содержания конституционных прав человека и гражданина. В этой связи целью настоящего исследования является формулирование предложений по совершенствованию механизма правозащитного регулирования конституционного права на посмертное творческое бытие в условиях цифровизации и общественных отношений, связанных с его реализацией. На основе анализа норм позитивного права, материалов правоприменительной и судебной практики, данных научных источников обосновывается необходимость введения гражданско-правового субинститута охраны (защиты) «аватара» и воссозданного с помощью искусственного интеллекта человеческого голоса, установлении юридической (административной и уголовной) ответственности за нарушение установленных законом требований в сфере обработки биометрических персональных данных, а также за хищение чужого имущества с использованием технологии дипфейка.

Ключевые слова: право, посмертное творческое бытие, правозащитное регулирование, цифровизация, цифровые технологии, искусственный интеллект, нейронная сеть

ACTUALIZATION OF REMEDIAL REGULATION OF CONSTITUTIONAL RIGHT TO POSTHUMOUS CREATIVE EXISTENCE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. Digitalization determines the creation of new forms and practices of human communication and entails changes in the constitutional rights of human and citizen. In this regard the purpose of this study is to formulate proposals for improving the mechanism of remedial regulation of constitutional right to posthumous creative existence in the context of digitalization and public relations associated with its implementation. Based on the analysis of positive law, materials of law enforcement and court practice, data from scientific sources, the need to introduce a civil-law sub-institution for the protection (defense) of the "avatar" and the human voice recreated with the help of artificial intelligence, establishing legal liability (administrative and criminal) for violating the requirements established by law in the field of processing biometric personal data, as well as for theft of someone else's property using deepfake technology.

Keywords: law, posthumous creative existence, remedial regulation, digitalization, digital technologies, artificial intelligence, neural network

Введение. Институциональная модернизация правовых систем современности, обусловленная различными вызовами времени, в числе которых цифровизация, предполагает качественное обновление содержания основных прав и свобод человека и гражданина. Для правовой системы Российской Федерации разрешение вопроса о такого рода обновлении имеет решающее значение в связи с цифровым наследием «ковидного кризиса», актами сетевой манифестации «культуры отмены» в отношении России, деструктивными последствиями распространения «фейков» и инсинуаций по общедоступным цифровым каналам коммуникации. Между тем восприятие новых коммуникативных форм и практик порождает необходимость не только конституционно-правового осмысления, но и опосредования правопользования, прежде всего, в форме правового регулирования. В полной мере изложенное относится к эксклюзивным сюжетам творческого «воскрешения» умерших людей, ставшим востребованными в свете цифровизации. Как следствие актуализирован вопрос о необходимости правозащитного регулирования конституционного права на посмертное творческое бытие в означенных условиях.

Основная часть. Указанное во введении к настоящей работе конституционное полномочие каждого ранее жившего лица на продолжение своего творческого пути после собственной физической смерти с использованием цифровых технологий [3. С. 21] онтологически базируется на положениях ч. 1 ст. 20, ч. 1, 2 ст. 44 Конституции Российской Федерации (закрепляющих конституционное право на жизнь, конституционную свободу творчества и конституционное право на участие в культурной жизни [10]; далее – Конституция РФ), истолковываемых в их системной взаимосвязи. В качестве наглядных иллюстраций соответствующего правопользования, предполагающего формат коммуникативного присутствия, то есть нахождения почившего лица в конкретном месте и в определенное время при помощи конкретной цифровой технологии (а именно за счет digital-

трансформации человека в так называемого «аватара»), распоряжения имевшимися при жизни субъекта права творческими способностями, другими словами, опосредованного участия в культурной жизни, можно рассматривать следующие. Это извлечение голоса (вокала) рок-музыканта В. Р. Цоя из фонограмм и последующее создание нейронной сетью а капелла [13], а также реализация иных инициативных проектов по формированию целостного чувственно воспринимаемого и не лишенного способности к реагированию образа указанного лица на новогоднем концерте в Ижевске [2], возвращение к «жизни» актера Ю. В. Никулина для съемок в кинофильме «Манюня: Приключения в Москве» [4], который в настоящее время вышел в прокат, певицы Ж. В. Фриске для целей проведения «Премии МУЗ-ТВ 2024» [11].

Использование цифровой технологии, именуемой как «дипфейк» (англ. deepfake от deep learning «глубинное обучение» + fake «подделка»), не ограничивается одной лишь территорией Российской Федерации. «Несколько лет назад благодаря дипфейку Одри Хепберн прорекламовала шоколад. А Кэрри Фишер появилась в новой части «Звездных войн» уже после смерти. <...> К юбилею Сальвадора Дали флоридский музей художника решил оживить сюрреалиста. Посетители смогли пообщаться с самим Дали» – приводит сетевое издание "Metarating" [6].

Кроме того, в октябре 2023 года стало известно, что польская компания «CD Projekt RED», занимающаяся разработкой игрового проекта «Cyberpunk 2077», воспользовалась нейронной сетью для воссоздания голоса умершего польского актера дубляжа Милогоста Речека (Miłogost Reczek), участвовавшего в создании основной части компьютерной игры и не дожившего до выхода дополнения ("Phantom Liberty") к ней [25].

Таким образом, указанные практики обрели широкий масштаб распространения. Вместе с тем, как отмечалось ранее, до настоящего времени именно в Российской Федерации не нашла своего разрешения (в первую очередь законодательного) проблема правозащитного регулирования конституционного права на посмертное творческое бытие, а равно возникающих в связи с его реализацией общественных отношений.

Согласно данным социологического опроса, озвученным генеральным директором АНО «Диалог Регионы» В. Г. Табаком в рамках сессии «Украденная личность. Правовые аспекты регулирования дипфейков и подделок голоса» на XII Петербургском международном юридическом форуме, состоявшемся в 2024 году, 54 % респондентов из России считают, что регулировать дипфейки необходимо на законодательном уровне [24].

В настоящее время началось формирование судебной практики по вопросу использования дипфейка. Показательным примером в этом отношении является решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.11.2023 по делу № А40-200471/2023. Из содержания данного судебного акта следует, что технология дипфейк (в приведенном примере за счет ее использования был создан «аватар» актера Киану Ривза (Keanu Reeves)) представляет собой дополнительный инструмент обработки (технического монтажа) видеоматериалов, используемый моушн-дизайнером [16]. Такое понимание исследуемого феномена является результатом судебного казуального

толкования норм гражданского законодательства. Вместе с тем единый законодательный подход к определению понятия «дипфейк», его правового режима, а также правовых последствий его использования на данный момент отсутствует. Одновременно применительно к заданной теме исследования важно также учесть следующее обстоятельство. Несмотря на то, что в рамках вышеназванного судебного дела не рассматривался вопрос о необходимости выражения человеком, «аватар» которого создается, согласия (несогласия) на подобного рода цифровую трансформацию, по нашему мнению, один лишь факт формирования судебной практики по вопросу использования дипфейков уже сам по себе свидетельствует о необходимости формулирования предложений, направленных на усовершенствование механизма правозащитного регулирования права на посмертное творческое бытие. Тем более в совокупности с приведенными ранее примерами, в которых речь напрямую идет о творческом «воскрешении» (при помощи вышеуказанной цифровой технологии) умерших людей.

В продолжение вышесказанного отметим, что инициатива правовой регламентации общественных отношений, связанных с использованием дипфейков, породила бурную дискуссию как среди представителей общественности, так и среди депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. В средствах массовой информации еще летом 2023 года сообщалось о грядущем «появлении» официального понятия «дипфейк» в российском правовом поле, однако спустя год законопроект по-прежнему находится в разработке в связи с особым – этическим – характером рассматриваемой проблемы [7].

Развивая соответствующий нарратив, полагается возможным заметить следующее. Как справедливо подчеркивает В. И. Крусс, регулировать – значит упорядочивать, направлять динамику процесса пользования конституционным полномочием, но без изменения и без «вторжения» в пространство его сущностной статики (с учетом того, что природа конституционных прав проявляется в свойствах *относительного* (выделено нами – А. В.) постоянства их содержания и неумалюмости по мере пользования) [19. С. 293].

Так, в результате конституционной реформы 2020 года текст п. «и» ст. 71 Конституции РФ был дополнен указанием на информационные технологии [8]. С момента внесения соответствующих изменений таковые находятся в ведении Российской Федерации, в связи с чем уместно вести речь о формировании правового фундамента для опосредования вышеназванного конституционного полномочия каждого.

Следует отметить, что «точечное» (элементарное) правозащитное регулирование рассматриваемой базовой возможности имеет место на уровне актов текущего законодательства.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (далее – ПП ВС № 16) обращает внимание на то, что к общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде (абз. 3 п. 25 ПП ВС № 16) [14].

Не вдаваясь в дискуссию о корректности используемой данным органом публичной власти терминологии (в особенности об отождествлении категорий «интерес» и «потребность»), отметим следующее. По нашему мнению, фактические данные о наличии (отсутствии) общественного интереса подлежат верификации в соответствии с положениями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в которой перечисляются те фундаментальные конституционные ценности, меры правовой защиты которых являются универсальными вне зависимости от конкретных жизненных ситуаций отдельно взятых людей.

Вследствие этого можно выдвинуть предположение, согласно которому в отсутствие иного правозащитного регулирования случаи творческого «воскрешения» не могут подпадать под действие п. 1 ст. 152¹ ГК РФ в части, в которой выражение согласия на использование образа человека является необязательным.

В то же время следует обратить особое внимание на содержание абз. 1 п. 44 ПП ВС № 16. В соответствии с данным разъяснением без согласия гражданина обнародование и использование его изображения допустимо в силу подп. 1 п. 1 ст. 152¹ ГК РФ, то есть когда имеет место публичный интерес, в частности, если такой гражданин является публичной фигурой (занимает государственную или муниципальную должность, играет существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области), а обнародование и использование изображения осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу является общественно значимым. Такой подход представляется оправданным и, безусловно, конституционно значимым [23. С. 50].

И все же смоделируем такую ситуацию. Есть некоторая «публичная фигура», например, В. Р. Цой. Безусловно, он сыграл существенную роль в общественной жизни, по меньшей мере, в сфере искусства, став своего рода «символом эпохи». Однако творческое «воскрешение» В. Р. Цоя в соответствии с избранным нами дискурсом не сопряжено с какими-либо дискуссиями, а предполагает коммуникативное присутствие как формат реализации конституционного права каждого на посмертное творческое бытие. Одновременно Пленум Верховного Суда РФ в приведенном разъяснении отсылает к категории общественно значимого интереса к конкретному лицу. Вместе с тем на содержание такого «стремления» указано в приведенном ранее абз. 3 п. 25 ПП ВС № 16. Вследствие этого образуется герменевтический круг.

Таким образом, формально из вышеизложенного можно сделать вывод, что согласие на такого рода использование изображения требуется в любом случае. Однако применительно к данной позиции в абз. 2 п. 44 ПП ВС № 16 приводится следующее толкование. Если речь идет о возможности использования изображения в ситуации, связанной с извлечением прибыли, оно допускается строго при наличии согласия запечатленного лица. Соответственно, если инициаторы творческого «воскрешения» (например, группа «Кино» и сын В. Р. Цоя А. В. Цой) при той степени условности вышеописанных ситуаций извлекают в связи с таким «воскрешением» прибыль, логично заключить, что согласие человека в действительности требуется. Однако возникает вопрос о том, как следует

поступить, если «при прочих равных» творческое «воскрешение» осуществляется исключительно в благотворительных целях.

В связи с вышеизложенным представляется оправданным выдвинуть следующий тезис. По конституционно-правовому смыслу (определенному на основе системного толкования нормоположений ст. 2, ч. 1, 2 ст. 17, ст. 18, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 44, ч. 1, 2 ст. 45, ч. 1 ст. 55, ч. 3 ст. 67¹ Конституции РФ) положений п. 1 ст. 152¹ ГК РФ соответствующее регулирование направлено исключительно на защиту изображения (фотографии, видеозаписи, произведения изобразительного искусства) как некоторого статичного с точки зрения диалектики общественной жизни объекта, своего рода «следа» человека. Творческое же «воскрешение» предполагает формат не автоматического воспроизведения, а коммуникативного присутствия соответствующего лица (при этом такое присутствие обеспечивается за счет использования цифровых технологий и не ограничивается пространственно-временными пределами).

В этой связи, по нашему убеждению, требуется урегулирование соответствующих отношений путем дополнения ГК РФ статьей, посвященной вопросам правовой охраны (защиты) «аватара», созданного с помощью искусственного интеллекта.

Так, о постепенном «вхождении» социальных, экономических, духовно-культурных прав «в зону риска» под влиянием цифровых технологий и о необходимости принятия дополнительных мер по правовой защите таких возможностей пишут и другие авторы, например И. А. Умнова-Конюхова, Е. В. Алферова, И. А. Алешкова [22. С. 75].

В соответствии с предлагаемой нами моделью правозащитного регулирования субъект конституционного права на посмертное творческое бытие в случае наличия у него намерения реализовать указанное право должен при жизни добровольно в письменной форме выразить согласие на собственную цифровую трансформацию. При этом соответствующая односторонняя сделка, с нашей точки зрения, подлежит обязательному нотариальному удостоверению, что также надлежит урегулировать путем внесения дополнений в Основы законодательства РФ о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) [12].

Одновременно представляется разумным введение законодательного запрета на предоставление третьим лицам права пользоваться «аватаром» в отсутствие четко и недвусмысленно выраженной воли умершего в той мере, в какой это будет отвечать требованиям защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Данный запрет с точки зрения внутреннего структурирования системы российского законодательства разумно отобразить в статье ГК РФ, посвященной вопросам правовой охраны (защиты) «аватара». При этом важно понимать, что «аватар» не является ни объектом, ни субъектом права. Это форма цифрового «дополнения» человека. И такое дополнение используется строго в целях обеспечения надлежащей реализации конституционного права каждого на посмертное творческое бытие в форме правопользования.

Наряду с этим «точечным» образом урегулированы общественные отношения, связанные с охраной человеческого голоса. Так, по смыслу ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность, в том числе сведения о голосе человека (на что содержится прямое указание в п. 1 Постановления Правительства РФ от 01.04.2024 № 408 «О видах биометрических персональных данных, на которые распространяется действие Федерального закона «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [15]), являются биометрическими персональными данными [21].

Данный вектор развития правового регулирования видится нам избранным верно. Вместе с тем, поскольку в рассматриваемом аспекте голос, воспроизводимый при помощи нейронной сети, так же, как и «аватар», является формой цифрового «дополнения» человека, важно подчеркнуть следующее.

Для цели реализации идеи творческого «воскрешения» посредством цифровой трансформации отдельно взятого лица также необходимо внесение дополнений в действующее законодательство Российской Федерации, ведь согласно позиции Д. В. Бахтеева, с которой нет оснований не согласиться, чтобы создать систему искусственного интеллекта (цифровой объект), способную оказать положительное воздействие на физическую реальность, требуется сначала оцифровать фрагмент этой реальности [1. С. 73]. Поскольку использование голоса по своей сути аналогично использованию «аватара», по нашему мнению, имеются основания для урегулирования соответствующих общественных отношений в том же порядке, что и общественных отношений, связанных с использованием «аватара». Причем соответствующее правозащитное регулирование допустимо осуществлять одновременно. Так, не имеется каких-либо препятствий объективного и субъективного порядков для дополнения ГК РФ статьей, посвященной вопросам правовой охраны (защиты) человеческого голоса, воссозданного с помощью искусственного интеллекта. Ведь, как справедливо отмечают А. В. Корнев, И. С. Барзилова, С. В. Липень, О. В. Танимов, Д. В. Шепелев, А. А. Арнаутова, на законодательном уровне не всегда закреплены гарантирующие средства для использования цифровых технологий, неправильное сочетание отдельных видов норм и обеспечивающих их средств довольно часто приводит к изменению цели, изначально поставленной в самой норме нормативного правового акта [17. С. 134]. Такое регулирование с позиции юридической техники возможно в рамках одной статьи, что позволит избежать перегруженности вышеуказанного законодательного акта близкими по своим смыслу и значению нормами, а также будет служить целям обеспечения надлежащего правоприменения. При этом в связи с тем, что ч. 2 ст. 11 Закона о персональных данных содержит специальное указание на то, что согласие на их обработку не требуется в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о нотариате, в момент состав-

ления согласия на собственную цифровую трансформацию субъекту надлежит указывать объемы таковой, и в случае разрешения воспроизводства человеческого голоса при помощи искусственного интеллекта факт обработки данных о голосе человека будет презюмироваться, дополнительная обработка биометрических персональных данных не потребуется.

Описанную выше правотворческую инициативу надлежит рассматривать в контексте приведения в гармонию цифровых технологий и права. Е. В. Скурко в этой связи пишет следующее: «Это может быть достигнуто как путем адаптации закона к технологии, так и посредством приспособления технологии к закону» [18. С. 81]. Поскольку правовая материя является в достаточной степени «гибкой», в рамках настоящего исследования допустимо вести речь именно об ее адаптации под требования цифровой эпохи.

Полноценное гарантирование соответствующих прав немыслимо без введения юридической ответственности за их нарушение. В соответствии с данным подходом такая ответственность может быть гражданско-правовой, административной и уголовной. В этой связи полагается необходимым вновь обратиться к положениям ГК РФ.

Механизм реализации гражданско-правовой ответственности является достаточно проработанным. Так, ст. 152¹ ГК РФ предусмотрены два способа защиты изображения человека: изъятие из оборота по решению суда и уничтожение без какой бы то ни было компенсации экземпляров материальных носителей, содержащих изображение, полученное или используемое с нарушением требований закона; удаление распространенного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» изображения, а также пресечение или запрещение дальнейшего его распространения.

Думается, что второй способ подлежит адаптации под специфику охраняемого (защищаемого) конституционного права на посмертное творческое бытие. Так, представляется реальным полное удаление «аватара» и воссозданного при помощи нейронной сети голоса человека из соответствующей базы данных, а также пресечение действий, создающих угрозу нарушения права в дальнейшем. При этом правотворческая инициатива, по нашему мнению, должна быть оформлена тем же (аналогичным) образом, что и ранее выдвинутая нами. В частности, по нашему мнению, дополнение ГК РФ указанием на данный способ защиты возможно в тексте статьи, которая посвящена вопросам правовой охраны (защиты) «аватара» и человеческого голоса.

Относительно возможности введения административной ответственности отметим следующее. Действующий Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) содержит специальную статью, которой предусмотрена административная ответственность за нарушение требований в области размещения биометрических персональных данных [9]. Однако в диспозиции данной статьи отсутствует указание на действия, содержащие признаки нарушения требований ч. 2 ст. 11 Закона о персональных данных. Вследствие этого видится целесообразной дополнительная правовая регламентация с определением вида и размера административного наказания за обозначенное нами административное правонарушение.

Аналогичным образом необходимо дополнить статью об уголовной ответственности за нарушение вышеназванных требований, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) [20].

Одновременно с этим можно предположить, что создание «аватара» и воссоздание человеческого голоса при помощи нейронной сети может послужить целям и интересам лиц, стремящихся к незаконному присвоению чужих благ. Так, с учетом изложенного представляется необходимым дополнить положения КоАП РФ об ответственности за совершение мелкого хищения, положения УК РФ об ответственности за совершение кражи, мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, мошенничества, присвоения или растраты, соответствующим квалифицирующим признаком – совершение административного правонарушения, преступления с использованием технологии дипфейка.

Дополнение указанных выше законодательных актов «пакетным образом» позволит обеспечить полноту и всесторонность соответствующего реформирования, усовершенствовать механизм правозащитного регулирования конституционного права на посмертное творческое бытие и возникающих в связи с его реализацией общественных отношений.

Заключение. На основании изложенного представляется возможным сформулировать следующие итоговые выводы.

Во-первых, наличие значительного числа практик творческого «воскрешения» человека с использованием цифровых технологий, реальной (наличной) потребности личности, общества и государства в усовершенствовании механизма правозащитного регулирования конституционного права на посмертное творческое бытие как закономерной реакции на вызовы цифровой эпохи, отсутствие единого законодательного подхода к определению понятия «дипфейк», его правового режима, а также правовых последствий его использования обусловили необходимость анализа норм позитивного права и разработки соответствующей правотворческой инициативы в рамках настоящего исследования.

Во-вторых, для целей обеспечения надлежащего правопользования видится необходимым введение в действующее гражданское законодательство Российской Федерации нового субинститута охраны (защиты) «аватара» и воссозданного с помощью искусственного интеллекта человеческого голоса, а также введения специальной нотариальной процедуры предоставления человеком в письменной форме добровольного согласия на его цифровую трансформацию.

В-третьих, для выполнения государством основной конституционной обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина представляется целесообразным установление административной и уголовной ответственности за нарушение требований ч. 2 ст. 11 Закона о персональных данных, а также за хищение чужого имущества с использованием технологии дипфейка.

Практическая значимость настоящей работы сводится к формулированию правотворческой инициативы по усовершенствованию механизма правозащитно-

го регулирования обозначенного базового полномочия каждого. Вместе с этим представляется, что эвристический потенциал изучения данной проблематики не исчерпывается рамками настоящего исследования. И в дальнейшем целесообразно проведение конституционно-компаративистских, юридико-технических, философско-правовых и иных научных изысканий.

Список литературы

1. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. – М.: Проспект, 2023. – 176 с.
2. В Ижевске сгенерированный нейросетью Цой исполнит песню на удмуртском языке // Национальный акцент. Медиапроект гильдии межэтнической журналистики. – URL: <https://nazaccent.ru/content/41667-v-izhevske-sgenerirovannyj-nejrosetyu-coj-ispolnit-pesnyu-na-udmurtskom-yazyke/>
3. Воронин А. В. Право на творческую жизнь после смерти: фикция или реальность? // Бакалавру.net: альманах научно-исследовательского клуба по актуальным проблемам права «Бакалавру.net». – Тверь: Издательство Тверского государственного университета. 2023. – С. 21–24.
4. «Воскрешенный» Юрий Никулин появится в фильме «Манюня: Приключения в Москве» // Regions.ru. – URL: <https://regions.ru/kultura/voskresshenyy-yuriy-nikulin-poyavilsya-v-filme-manyunya-priklyucheniya-v-moskve>
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
6. Жизнь после смерти: нейросети воскрешают мертвых артистов // Сетевое издание «Metarating». – URL: <https://cybersport.metaratings.ru/articles/zhizn-posle-smerti-neyroseti-voskreshayut-mertvykh-artistov/>
7. Заинтересованные в лицах: в России обсуждается закон о дипфейках // Известия. – URL: <https://iz.ru/1674806/katerina-alabina/zainteresovannye-v-litcakh-v-rossii-obsuzhdaetsia-zakon-o-dipfeikakh>
8. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
11. «Ожившая» Жанна Фриске на премии Муз-ТВ довела ее отца до слез // 2x2.su. – URL: <https://2x2.su/news/shou-biznes/ozhivshaya-zhanna-friske-na-premii-muz-tv-dovela-eye-ottsa-do-slyez.html>

12. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 №4462-1 (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581

13. Попробуй спеть вместе со мной: как нейросеть воссоздала голос Виктора Цоя // РБК. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60b9f5729a7947830db7d491?from=copy>

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101401/

15. Постановление Правительства РФ от 01.04.2024 № 408 «О видах биометрических персональных данных, на которые распространяется действие Федерального закона «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473908/

16. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.11.2023 по делу № А40-200471/2023 // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb/8dedc372-21f6-4751-ab3c-8a320fe435ce/A40-200471-2023_20231130_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

17. Система права и система законодательства: современное состояние и перспективы развития в цифровую эпоху: монография / под науч. ред. А. В. Корнева. – М.: Проспект, 2023 – 176 с.

18. Скурко Е. В. «Электронное правительство», «цифровой гражданин», «цифровая личность» искусственного интеллекта: новые подходы в цифровой государственной политике и юридической науке // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. ред. Е. В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 69–86.

19. Красс В. И. Теория конституционного правопользования. – М.: Норма, 2007. 752 с.

20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 # 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

21. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

22. Цифровое развитие и права человека: монография / И. А. Умнова, Е. В. Алферова, И. А. Алешкова / под общ. ред. И. А. Умновой-Конюховой. М.: ИНИОН РАН, 2021. 174 с.

23. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б. С. Эбзеев. М.: Норма, 2008. 384 с.

24. 54 % россиян считают, что регулировать дипфейки необходимо на законодательном уровне // dialog.info. – URL: <https://dialog.info/54-rossiyan-schitajut-cto-regulirovat-dipfejki-neobhodimo-na-zakonodatelnom-urovne/>

25. CD Projekt Red использовала нейросеть для создания голоса умершего актера озвучки // i2HARD. – URL: <https://i2hard.ru/publications/33825/>

И. С. Иксанов

кандидат юридических наук, доцент,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСТВО И НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Идеи народного суверенитета широко представлены в отечественной науке. Они проанализированы с разных позиций и являются основой современного российского демократического общества. Взаимосвязь между цифровым гражданством и народным суверенитетом крайне важна, поскольку цифровые технологии и Интернет коренным образом изменили способ участия граждан в общественно-политических процессах. Интернет определил новые возможности для людей с целью выражения своего мнения и взаимодействия с другими представителями гражданского общества не только в масштабах одной страны, но и мира в целом. Трансграничность современных правоотношений в области народного суверенитета ставят вопрос о защите от искажения воли народа в цифровой среде, о преодолении цифрового разрыва и формировании современного пространства, защищенного в цифровой среде не менее надежно, чем в реальной.

Ключевые слова: цифровое гражданство, народный суверенитет, цифровая среда, цифровизация, цифровой разрыв

DIGITAL CITIZENSHIP AND PEOPLE'S SOVEREIGNTY: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Abstract. The ideas of national sovereignty are widely represented in Russian science. They are analyzed from different perspectives and are the basis of modern Russian democratic society. The relationship between digital citizenship and popular sovereignty is extremely important, as digital technologies and the Internet have radically changed the way citizens participate in socio-political processes. The Internet has identified new opportunities for people to express their opinions and interact with other representatives of civil society, not only on the scale of one country, but also the world as a whole. The cross-border nature of modern legal relations in the field of national sovereignty raises the question of protecting the distortion of the will of the people in the digital environment, bridging the digital divide and forming a modern space protected in the digital environment no less reliably than in the real one.